

«ТЕ, КТО МУДРЕЕ,
СТРАДАЮТ
БОЛЬШЕ...» 3

Интервью с писателем
Дэвидом Николсом



ПОЛНОЕ
НЕСОБРАНИЕ
МАНДЕЛЬШТАМА
16-17

НОВЫЙ
ШОТЛАНДСКИЙ
КРИМИНАЛ
19

#20
(2318)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года



8 ВСЕЛЕННАЯ
ИМЕНИ
ДЖЕКА

Эмма Донохью
о детях и маньяках



9 МИКЛУХО,
ЗАЖИГАЮЩИЙ
ВОДУ

Даниил Тумаркин
об известном путешественнике



20 КОГДА НЕ
ПОМОГАЕТ
МЯТНЫЙ ЧАЙ

История
фрау Майер



НОВОСТИ

Книги – в руки

28 сентября в Большом зале Дома Пашкова в Москве состоялся VII съезд Российского книжного союза. В его работе принял участие Премьер-министр Российской Федерации В.В. Путин. Съезд открыл президент Российского Книжного Союза, председатель Счетной палаты РФ С.В. Степашин, который подвел итоги реализации первого этапа «Национальной программы поддержки и развития чтения» и уточнил цели дальнейшей работы. «Если в течение ближайшего года не принять срочных мер, книжная отрасль может потерять до 30% рынка, что равнозначно катастрофе», – заявил он. Пессимистический прогноз в немалой степени связан с развитием Интернета и электронных книг. Затем перед участниками выступили министр связи и массовых коммуникаций И.О. Шеголев, министр культуры А.А. Авдеев, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский.

Самый серьезный повод для беспокойства: 46% россиян вообще не берут в руки книг. В связи с этим Владимир Путин сказал, что повышение интереса к чтению в России должно стать общенациональной задачей, и добавил, что в рамках этой программы на информатизацию библиотек страны в 2012 году будет выделено 500 миллионов рублей, одновременно будут создаваться условия для пополнения библиотечных фондов. Кроме того, Правительство РФ прорабатывает поправки в Налоговый кодекс для списания нераспроданных тиражей. В рамках съезда он также провел неформальную встречу с литераторами, в которой участвовали Михаил Веллер, Дарья Донцова, Захар Прилепин, Марина Устинова, Александра Маринина, Сергей Лукьяненко и др.

Выступление Владимира Путина на съезде РКС читайте в приложении «PRO», а стенограмму встречи с писателями – на стр. 4.

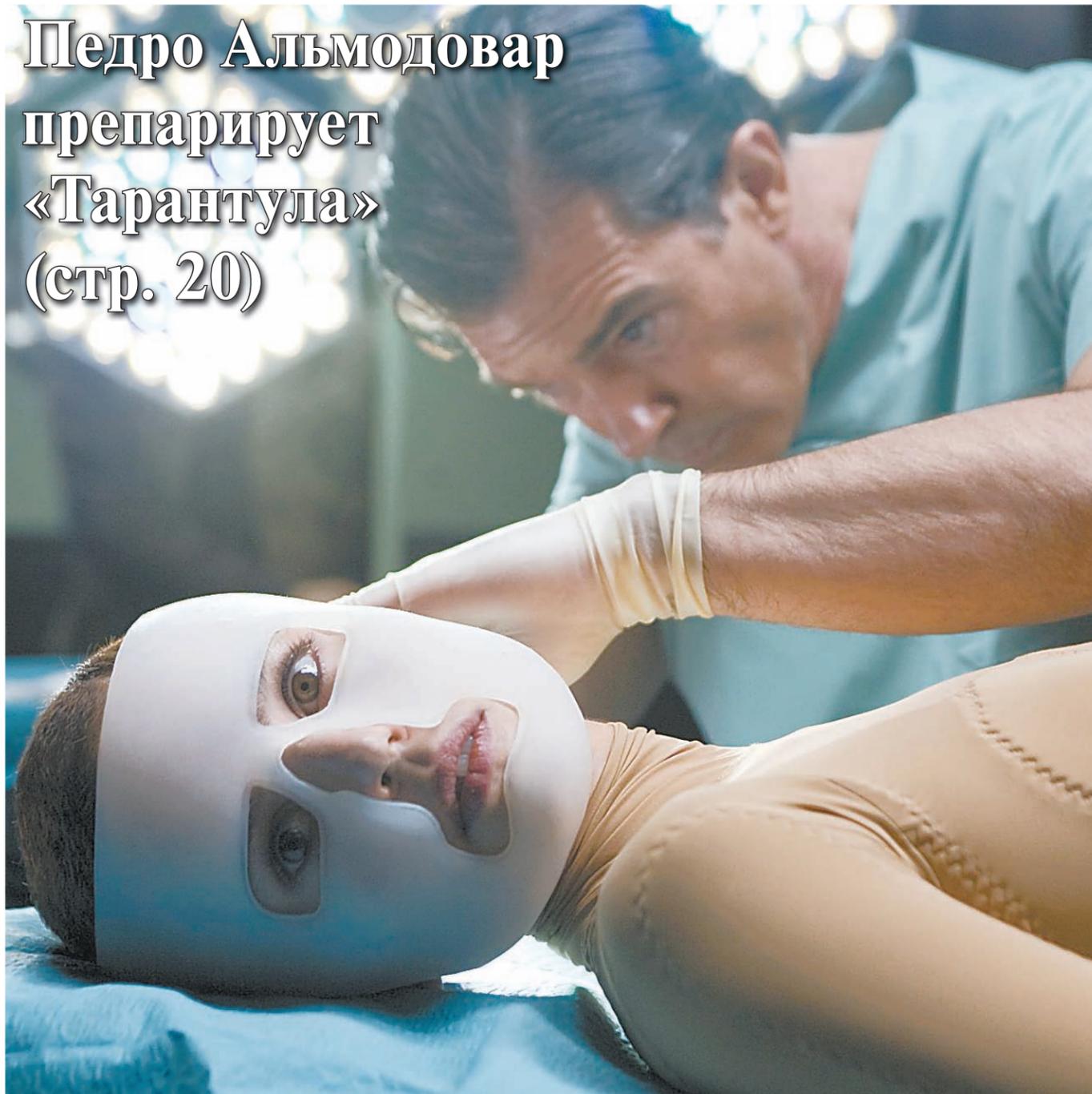
Смех, слезы и хирургия

Педро Альмодовар

препарировует

«Тарантула»

(стр. 20)



книжное обозрение
pro

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:
Выступление Владимира Путина на VII съезде РКС;
Отраслевая конференция «Книжный рынок России»-2011.
Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров
зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии
«Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности – на стр. 14.
Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 17 октября с.г.





КНИГА НЕДЕЛИ

Мечты пластиковых людей

Как и «Берег утопии», «Рок-н-ролл» Тома Стоппарда пришел к нам не один, а с обстоятельным культурным проектом: издана пьеса, в РАМТ прошла премьера спектакля, приехал в Москву сам Стоппард, состоялся благотворительный концерт «Неравнодушный рок» — с участием пражской группы The Plastic People of the Universe, вокруг истории которой во многом вращается сюжет «Рок-н-ролла». Итак, интеллектуальный трип по страницам истории продолжается. Теперь мы в XX веке, слушаем хорошую музыку и вместе с коммунистом старой закалки Максом, бойцом-оппозиционером Фердинандом и Яном, паладином идеологического компромисса, пытаемся осмы-



Стоппард Т.
Рок-н-ролл / Пер.
с англ. А.Островского,
С.Островского.
М.: Астрель, Corpus, 2011. —
192 с. 3000 экз. (н)
ISBN 978-5-271-37667-2

лить, что же произошло в Праге в 1968-м. А если получится, то и понять что-то о головоломной пространственной геометрии тоталитаризма с ее опасными пересечениями плоскостей личного и государственного, теоретического и практического, диссидентского и недиссидентского.

Спору нет, от произведения с названием «Рок-н-ролл», где вместо игры зубами на горящей гитаре мужчины яростно спорят о социализме, а их женщины изучают лирику Сапфо, может приключиться когнитивный диссонанс. Некоторые СМИ уже успели забавно побрязжать о том, что пьеса тяжело-весна, многословна и не рок-н-рольна. Ну а кто сказал, что интеллектуальная драматургия — это легко? Это очень нелегко. И спокойно следить за философско-политической дискуссией, разворачивающейся не в уютно-отдаленном XIX веке, а во временах легко вспоминаемых и облепленных, как ракушками, массой нелюбимых ассоциаций, — дело почти героическое. Однако поверьте, если не поленишься душой и головой, а заодно вспомнить, что дискуссии нужны не для выявления правых и виноватых, все очень быстро станет на свои места, и свою порцию умственного и эмоционального наслаждения вы получите обязательно. И даже станет понятно, при чем тут Сапфо — а она очень даже при чем!

Мария Мельникова

Химия, русский и биология

28 сентября были объявлены претенденты на главные награды Премии «Просветитель», присуждаемой в области научно-популярной литературы. Учредитель Премии и основатель фонда «Династия» Дмитрий Зимин, а также сопредседатели Оргкомитета — писатель и телеведущий Александр Архангельский объявили два «коротких списка» — по количеству победителей, то есть по гуманитарному направлению и естественным и точным наукам соответственно.

Историк и публицист Яков Гордин — автор «Кавказской Атлантиды. 300 лет войны», известный лингвист, старший научный сотрудник Института русского языка имени Виноградова РАН Ирина Левонтина — с книгой «Русский со словарем», профессор, доктор филологических наук Владимир Плунгян, написавший исследование под названием «Почему языки такие разные», и проректор Российской экономической школы Константин Сонин с «Уроками экономики» — все они вошли в первый, гуманитарный, блок. А во втором, естественно-научном, конкуренцию друг другу, по решению жюри, должны составить доктор биологических наук, знаменитый палеонтолог Александр Марков (его «Эволюция человека» пока не обрела форму книги и находится в состоянии рукописи); писатель Антон Первушин с историей под названием «108 минут, изменившие мир», рассказывающей «всю правду» о полете Юрия Гагарина; главный редактор журнала «Химия и жизнь» Любовь Стрельникова с книгой «Из чего все сделано?», представляющей собой такие рассказы о веществе, которые одинаково интересно читать и детям, и взрослым; а также любитель и коллекционер растений Владимир Цимбал, задумавший написать о своем чувстве серьезную книгу — «Растения. Параллельный мир».

Стало известно и еще кое-что новое, имеющее отношение к изменениям в области денежного вознаграждения. Отныне призами будут осыпаны не только лауреаты (они, напомним, получат 720 тысяч рублей), но и финалисты премии — авторы, книги которых вошли в «короткий список» (размер их награды составит 120 тысяч рублей). А объявлены имена победителей будут 24 ноября.

Пелевин или Адонис?

Британская букмекерская компания Ladbrokes оценила шансы российского писателя Виктора Пелевина на получение Нобелевской премии по литературе как пятьдесят к одному. Главным претендентом на Нобелевку компания назвала сирийского поэта Адониса: ставки на его победу принимаются с коэффициентом 4:1.

В числе фаворитов также оказались американский писатель Томас Пинчон (10:1), венгр Петер Надаш (12:1), японский писатель Харуки Мураками (16:1) и румынский поэт Мирча Кэртэреску (20:1). В списке претендентов есть еще российский поэт Евгений Евтушенко — букмекеры оценивают его шансы как 80:1. Такие же шансы на победу у британского писателя Джулиана Барнса, который в этом году попал в шорт-лист другой литературной премии — британского «Букера».

Кроме того, на Нобелевскую премию в области литературы в этом году претендуют Кормак Маккарти (25:1), Филип Рот (25:1), Милан Кундера (33:1), Иэн Макьюэн (40:1), Умберто Эко (50:1) и другие. Меньше всего шансов, по оценкам букмекеров, у Боба Дилана (100:1).

Лауреат Нобелевской премии по литературе станет известен в начале октября — точная дата пока не определена. Вероятно, победителя назовут 6-го или 13-го числа. Шведская академия держит имена финалистов премии в секрете.

Издания, отрецензированные в номере

Андреев Л. Далекие. Близкие	15	Новикова Л. Провинциальная «контрреволюция»	15
Арендт Х. О революции	15	Панов В. Красные камни Белого	11
Аткинсон К. Ждать ли добрых вестей?	19	Почтарев А., Горбунова Л. Полярная авиация ...	9
Блэквуд Э. Кентавр	11	Пуаре П. Одевая эпоху	24
Гринуолд Р. Почему он не перезвонил?	15	Реутин М. Мистическое богословие	
Губарев В. Флибустьеры Ямайки	11	М. Экхарта	15
Джейкобсон Г. Вопрос Финклера	8	Риттельмайер Ф. Встречи с Р. Штайнером	15
Донохью Э. Комната	8	Рэнкин И. Открытая дверь	19
Жонке Т. Тарантул, или Кожа, в которой я живу	20	Трофимов Е. Гладиаторы	11
Кон Сонок. Приходите на поле гаоляна	8	Тумаркин Д. Белый папуас	9
Королев А. Genius loci: Повесть о парке	15	Флинн А. Страшно красив	20
Куинн К. Хозяйка Рима	11	Херст Дж. Кратчайшая история Европы	11
Малая толика: Альманах памяти		Хорватова Е. Русский Гамлет. Павел I	11
Мандельштам О. Полное собр. соч. В 3 т.	16	Шелонин О., Баженов В. Царский сплетник и шемаханская царица	11
Мерен С.В., Ромэн О. Маленькая жизнь... ..	21	Эрльбрух В. Дрозд фрау Майер	21
Нечипоренко Ю. Помощник царям:			
Жизнь и творения Михаила Ломоносова	15		

Выбор редакции



1 Спустя почти сто лет в Россию вернулись путеводители легендарной серии Baedeker — те самые книги, с которыми путешествовали герои Достоевского и Чехова и название которых давно стало нарицательным. Современные «бедекеры» так же увлекательны, как дореволюционные, а заодно снабжены пластиковым чехлом на случай капризов природы.



Китай / Пер. с нем.
Н.Гладилина.
М.: Аякс-Пресс, 2011. — 636 с.
(Baedeker).

2 Бертран Тессье — один из немногих авторов, которым удалось не просто побеседовать с Бельмондо, но и познакомиться с актером, не сильно жалующему журналистов. В своей книге Тессье рассказывает о том, как возник миф о Бельмондо, что скрывает великий актер за своими грубоватыми выходками, и в чем секрет его завораживающей «неисправимости».



Тессье Б.
Бельмондо. Неисправимый / Пер. с фр. Т.Понятиной.
Нижегород: Деком, 2011. — 216 с.

3 Мир, в котором живет Джонас, идеален. В нем нет ни войны, ни боли, ни страха. И у каждого свое предназначение. Когда Джонас исполняется двенадцать лет, он узнает, что в Коммуне есть человек, хранящий воспоминания о настоящем мире... Лоис Лоури написала книгу в странном для детской литературы жанре антиутопии, но у нее все получилось.



Лоури Л.
Дающий / Пер. с англ. А.Шур.
М.: Розовый жираф, 2011. — 256 с.

«Я человек с тонкой кожей...»

Беседовала Вера Бройде
Фото Евгения Люлюкина



Когда-то Дэвид Николс сыграл небольшие роли в «Аркадии» Тома Стоппарда и в «Чайке» Чехова — тогда он был еще очень молод и выступал на сцене Королевского национального театра Великобритании. Только дальше дело не пошло, потому что он начал писать сам: как сценарии по пьесам Харди и Шепарда, так и свои, оригинальные — к фильмам и радиопостановкам. И романы. Его «Один день», каждая глава которого, вместе с очередным прожитым годом, начинается 15 июля, в День святого Свитина, — рассказывает... Нет, вовсе не о пропасти между тем, кем мы были, и кем стали, а скорее о пропасти между мечтами о чем-то блистательном и великолепном и будущей реальностью. О реальности и вымысле — в кино, в жизни и в литературе — читайте в беседе с Дэвидом Николсом, приехавшим в Москву на несколько дней, чтобы рассказать об «Одном дне» и представить фильм, снятый по его роману.

— Учитывая завязку вашей истории, первый вопрос будет о приметах. Вы в них верите? Скажем, в то, что бывает на День святого Свитина?

— В реальной жизни я совсем не верю в приметы и, наверное, я гораздо рациональнее, чем можно подумать поначалу. Но вот в художественной литературе все по-другому: тут иные законы. В книге этот подход — когда от того, что случится сегодня, может зависеть большое завтра, и если на 15 июля пойдет дождь, лить ему еще сорок дней, и так далее — здесь он мне кажется интересным. Да и фильм «Один день», по сути, об этом: о невозможности предсказать будущее. Хотя то, что было напророчено на святого Свитина, не реализовалось. Мне нравится эта игра. И я обожаю Томаса Харди, который, как известно, множество своих произведений посвятил теме судьбы.

— Харди? Да, но ведь «Один день» начинается с эпиграфа из Диккенса, на него есть ссылки и в середине романа, и в конце, а теперь вы пишете сценарий для фильма «Большие надежды». По-видимому, вы его очень любите. Скажите — почему?

— Да, Диккенс и Джордж Оруэлл были самыми первыми авторами, которых я прочел. Мне было 12–13 лет, и сейчас я люблю их, но особенно Диккенса, не меньше, чем тогда. Этот писатель умеет соединять интеллект с доступностью. Его книги трогают сердце. Мне нравятся сильные эмоции, нравятся его потрясающая способность быть смешным и серьезным в одной книге. А «Большие надежды» — мое любимое произведение. Классовые вопросы, вопросы о том, как человек становится тем, кем он является, связь корней и традиций — с настоящей жизнью и жизнью будущей — все это меня очень интересует, всегда интересовало. Я думаю, что смотрю на мир во многом как он. Пожалуй, ключевое слово моей книги — горько-сладкий, сочетание грустного и смешного, а это тоже очень по-диккенсовски. Вообще, я читаю больше старых авторов, XIX–XX веков — Фицджеральда, Сэлинджера, Апдайка, — чем современных: наверное, боюсь наткнуться на что-нибудь такое, что у них получается намного лучше, чем у меня. Смешно, но я человек с тонкой кожей и не

слишком хорошо переношу стрессы. Вот разве что Джонатана Франзена читаю.

— Любовь к Диккенсу ничуть не изменилась с годами, а как вы думаете, люди вообще меняются по-крупному в течение жизни? Или если смотреть очень внимательно, то можно увидеть, каким станет этот человек, например, через двадцать лет?

— Думаю, здесь все перемешано, причем самым таинственным образом. Свою первую книгу я написал о девятнадцатилетнем герое, и она была очень автобиографична. «Один день» я начал писать, когда мне было 39. Так вот, я и сам себя спрашивал: в чем тут разница? Я стал более уверенным в себе, менее застенчивым, я теперь реже влюбляюсь. Но вместе с тем на языке у меня остались те же шутки и те же ценности, по большому счету. Да, и во мне живут те же страхи — по крайней мере, некоторые. Что-то меняется, а что-то остается прежним. Сейчас, вспоминая себя двадцатилетнего, я чего-то стыжусь, но было во мне том и что-то очень ценное и достойное.

— То, как построена ваша книга, напоминает фотографии, когда человек день за днем снимает одно и то же дерево, а потом видно, какие изменения с ним происходили: почему ветки оголились в конце осени и как потрескался толстый ствол. Только здесь вместо дерева два человека. И этот прием — скорее кинематографический, использован вами в литературе. Вы смешиваете два жанра, но который из них для вас важнее? Чем вам на самом деле приятнее заниматься?

— Да, действительно, на фотографию очень похоже, да и вообще — между картинкой, статичной или движущейся, и текстом, написанным на бумаге, много общего. Я считаю, что они все очень тесно связаны друг с другом. Когда я рос, то примерно одинаково любил читать книги и смотреть фильмы — мне всегда было по душе и то и другое. Теперь, когда я сам пишу, мне больше всего нравится чувство контроля над ситуацией и свобода. А что касается кино, то здесь для меня самое приятное — что множество людей работают вместе и заодно. Приятно на них смотреть и тоже участвовать в игре, то есть в деле, в общем — в процессе, ощущать себя его важной частью. Но в кино так

много рамок, за пределы которых нельзя выходить, и правил, которым обязательно нужно следовать. Бюджет, время, актеры, жанр фильма — все должно быть четко определено и зафиксировано. Так что сейчас меня больше занимает литература. Когда я пишу книгу, это что-то очень личное. Со сценарием — по-другому: он для меня как инструкция, которую я составляю для всех тех, кто будет участвовать в создании фильма. При этом сценарий для фильма, снятого по своей книге, мне, пожалуй, писать проще: я легко выбрасываю даже большие куски текста, чем-то жертвую. А с другими авторами я всегда очень трепетно обращаюсь: мне страшно, что я могу испортить чужое произведение, особенно если его создатель — писатель, которым я восхищаюсь, — Диккенс, Харди или Фицджеральд.

— Как вам кажется, вы с Лоне Шерфиг, режиссером «Одного дня», рассказали одну и ту же историю? Или она увидела в книге нечто другое, о чем и поведала в фильме?

— Режиссер — это босс, начальник. Все остальные, включая меня, ему подчиняются. Мне понравился фильм. Как писатель я принимаю то, что Лоне сотворила с моей книгой в качестве режиссера. Некоторые сцены были воплощены прямо в точности так, как я их видел в своем воображении, — и это как будто какое-то волшебство. А другие — нет. Самое лучшее, на что можно надеяться: что он поймет и почувствует в отношении себя — человек, посмотревший кино.

— Поскольку вы сами играли в театре, то на актеров в фильме смотрели еще и с чисто профессиональной точки зрения. И как вам они?

— О, я был очень плохим актером. Да, я играл в театре, но всегда был таким подвижным, слишком подвижным. Я не умел играть только лицом. А здесь, в кино, актеры прекрасны. Особенно Энн Хатауэй, сыгравшая Эмму. Меня восхищает Энн: то, что она может выразить одним взглядом или улыбкой, говорит сразу о столь многом, что некоторым не под силу сообщить, даже если они будут об этом говорить, и говорить, и говорить, или бегать по сцене, как это делал я. Мне очень понравилось то, как она была внимательна к маленьким деталям, которые

я повсюду разбросал в тексте, точно ребенок — игрушки по комнате. И еще то, как крепко она все контролировала. Я в свое время так не мог.

— А вы давали ей какие-то советы по поводу характера Эммы? Или, может, она сама вас спрашивала о своем персонаже?

— Да нет, почти нет: там была своя система, согласно которой нас сразу, едва познакомив, как-то разделили друг от друга. Меня не подпускали слишком уж близко к сердцу съемочного процесса, ну, может, я и сам не хотел, опасался слишком вмешиваться — это никому не было нужно. Хотя я знаю, что актеры читали книгу, правда, я с ними, к сожалению, об этом говорил совсем немного: мне хотелось бы больше. Впрочем, Энн я все же передал диск с музыкой, которую слушала Эмма, — чтобы она лучше себе ее представила. И Энн всюду ходила в наушниках.

— Эмма чудесна, и в фильме, и еще больше в книге. От нее — к Декстеру, от Декстера — к ней: и так весь роман, все годы, пока она не погибнет. Как писатель вы подталкиваете к тому, чтобы читатель их сравнивал, хотя и не как противников, а как друзей. Но чувство, что Эмма сильнее и во многом лучше, охватывает потому, что, видимо, вам самому она ближе. Почему тогда вы «убили» ее, а не Декстера?

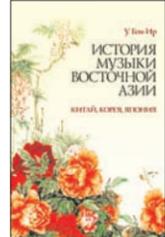
— Конечно, Эмма мне ближе. А когда я придумывал Декстера, то эта работа давалась мне гораздо тяжелее: я совсем на него не похож. А с Эммой, особенно той Эммой, какой она была в молодости, у нас очень много общего: похожие вкусы, в музыке, еде и многих других вещах, похожие привычки и приоритеты, происхождение, мнения. Декстер в книге проходит путь — своего рода путь искупления. А чтобы что-то искупить, надо быть не очень хорошим человеком: так что, конечно, у него больше недостатков. Я думаю, что если бы ситуация была обратной, то моя задумка не сработала бы. Эмма мудра. Даже если несчастлива — все равно мудра. Может быть, так оно и бывает в жизни: те, кто мудрее, страдают не меньше, а больше. Но я сам не чувствую себя таким мудрым, как Эмма: все же она гораздо мудрее меня.

4 Это подлинная история самого Ночного из всех Ночных Дозоров. История анормпоркской Ночной Стражи. Вот только нашего героя зовут Сэм Ваймс, а не сами знаете как. Но про «треснул мир наполам» — это сущая правда. Ведь не будет, но будут монахи. Вампиров не будет, но будут убийцы. И будут убитые. И будут Свобода-Равенство-Братство, а когда возникает эта тройка, жди беды и, самое главное, крови.



Пратчетт Т.
Ночная стража / Пер. с англ.
Н.Берденникова; Под ред.
Н.Аллуна и А.Жикаренцева.
М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. — 528 с.

5 Предлагаемая книга впервые в одном издании подробно знакомит российских читателей с историей и теорией, а также с некоторыми шедеврами традиционной музыки стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония), которые вместе составляют единый культурный ареал. Ранее этот пласт культуры оставался практически неизвестным у нас.



У Ген-Ир
История музыки Восточной
Азии (Китай, Корея, Япония).
СПб.: Планета музыки, 2011. — 544 с.

6 «Занятие или увлечение? Неизбежность или прихоть? Это надолго? Это пожизненно». Перед нами первая русскоязычная книга об аргентинском (остальные ненастоящие) танго. Автор рассматривает танец, как культурный феномен, возникший примерно в 1870-х годах в Буэнос-Айресе, на берегах великой реки Рио де ла Плата, и завоевавший весь мир.



Габриэль Г.
Tango Argentino
Справочник начинающего тангера.
М.: КниРус, 2011. — 128 с.

7 Писатели-участники международного проекта «Мифы» обычно выбирают для творческого осмысления фигуры масштабные и почтенные. А хорватская нонконформистка Дубравка Угрешич решила с юмором и любовью воспеть...



Бабу-ягу, предложив совсем по-новому взглянуть на эту странную женщину из избушки на курьих ножках.

Угрешич Д.
Снесла Баба-яга яичко / Пер. с серб. Л.Савельевой.
М.: Эксмо, 2011. — 448 с.